

■ ■ ■ Роль проектов общественной дипломатии приграничных регионов в условиях эскалации конфликта

Сапрыка В.А.¹, Каира Ю.В.², Солоха В.В.²

1. ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». Москва. Российская Федерация.
2. Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС. Орел. Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли проектов общественной дипломатии приграничных регионов в условиях эскалации конфликта, а именно оценке влияния социокультурного измерения общественной дипломатии на развитие приграничного сотрудничества. Эмпирическую основу данной работы составили результаты исследования «Проблемы и тенденции формирования информационной безопасности в регионах ЕАЭС», проведенного в январе-марте 2025 года на территориях ДНР, ЛНР, Белгородской, Курской областей (N=1500). По результатам исследования выявлено глубокое противоречие в общественных ожиданиях и официальных приоритетах на приграничных территориях в контексте социокультурной безопасности. Установлено, что развитие безопасного информационного пространства требует создания безопасного регионального информационного и культурного пространства для своих граждан. Население видит главные социокультурные риски в утрате традиционных ценностей и исторической памяти, в деструктивном информационном воздействии, а возможности развития связывает не с открытостью границ, а с укреплением межнационального согласия внутри региона и сохранением локальной культурной идентичности.

Исследование выявляет институциональную слабость и низкую видимость приграничной миссии общественного сектора, при этом диагностируется, что население не видит в них ключевых акторов безопасности.

Резюмировано, что разработка специализированной методологии проектного управления для общественной дипломатии в приграничных регионах должна интегрировать постоянный мониторинг общественных настроений и контекстуальных угроз, предусматривать гибкое перераспределение ресурсов в пользу наиболее востребованных и консолидирующих направлений, а также включать механизмы быстрого реформирования проектов от стратегий «мягкой силы» к оперативной гуманитарной и социальной поддержке, обеспечивающей как непосредственную помощь населению, так и укрепление внутреннего единства.

Ключевые слова: проект, общественная дипломатия, приграничный регион, эскалация, конфликт, социологическое исследование.

Для цитирования: Сапрыка В.А., Каира Ю.В., Солоха В.В. Роль проектов общественной дипломатии приграничных регионов в условиях эскалации конфликта // Коммуникология. 2026. Том 14. №1. С. 195-206. DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-1-195-206.

Конфликт интересов: отсутствует.

Сведения об авторах: Сапрыка Виктор Александрович, доктор социол. наук, доцент, профессор кафедры политической социологии и социальных технологий ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». Адрес: 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, E-mail: sapryka@icbci.info; ORCID: 0000-0003-0506-3644. Каира Юрий Владимирович, кандидат социол. наук, доцент, доцент кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 302027, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, д.12. E-mail: kaira-yv@ranepa.ru ORCID: 0000-0003-0506-3644 ORCID:0000-0001-8402-2001; Солоха Валерий Викторович, соискатель кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Адрес: 302027, Россия, г. Орел, ул. Октябрьская, д.12, E-mail: solokha.v@internet.ru

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026. Принята к печати: 22.03.2026.

Введение. Современный мир характеризуется растущей противоречивостью, а глобализация сопровождается изменением границ, трансформируя сложившиеся приграничные социумы. Развитие приграничных регионов России всё больше зависит от инструментов общественной дипломатии, которая является неотъемлемой частью социогуманитарной политики государства по обеспечению национальных интересов. Протяжённость и разнообразие государственных границ России, которые проходят через различные цивилизационные, экономические и политические пространства, а также исторически сложившиеся формы приграничного взаимодействия, предполагает не только адаптацию методов общественной дипломатии, но и особенности при разработке и реализации проектов общественной дипломатии.

Зачастую при ухудшении межгосударственных отношений лишь инструменты общественной дипломатии способны донести до населения и общественного сектора необходимость сохранения добрососедства и приграничного сотрудничества. Общественная дипломатия позволяет сохранять и создавать неформальные каналы диалога, снижать уровень враждебности, продвигать гуманитарные инициативы, что в долгосрочной перспективе способствует накоплению социального капитала доверия, который служит стабилизирующей основой для возможного восстановления полноформатных политических отношений. Данные инструменты существенно расширяют участие населения и общественного сектора в решении проблем нового приграничья, но требуют научного осмысления и применения социальных технологий.

В условиях эскалации конфликта, с точки зрения социологической науки, понятие «общественная дипломатия» требует уточнения как целенаправленная деятельность негосударственных акторов по формированию устойчивых коммуникаций и взаимопонимания между социальными группами разделенных обществ. Она представляет собой процесс межгруппового взаимодействия, опосредованного культурными, гуманитарными и образовательными практиками,

а ее ключевая функция в конфликтных условиях – создание и поддержание трансграничных социальных сетей доверия для снижения напряженности и поиска общих ценностных оснований взаимодействия.

Теоретическая основа исследования

Современное исследовательское поле общественной дипломатии в России характеризуется отсутствием консенсуса в отношении базового понятийно-категориального аппарата, что проявляется в терминологической разрозненности и разнообразии теоретических подходов к определению ключевых концептов. Отсутствие общепринятой терминологии и четких дефиниций в сфере общественной дипломатии России приводит к фрагментации исследовательского дискурса. Анализ существующих научных взглядов на общественную дипломатию позволяет заключить, что, несмотря на их многообразие, в большинстве работ она сводится к функциям информирования и построения отношений, что на наш взгляд не отвечает действительности [Шлапеко]. В рамках данного подхода её сущность определяется как целенаправленная деятельность субъектов мировой политики по продвижению собственных сообщений среди иностранных общественностей. Шлапеко Е.А. отмечает, что «современная общественная дипломатия осуществляется наряду с классической дипломатией государства, способствуя формированию благоприятного для страны общественного, политического и делового климата за рубежом» [Шлапеко].

Согласно позиции ряда отечественных исследователей, общественная дипломатия представляет собой не синоним, а одно из направлений публичной дипломатии. В данной трактовке её сфера ответственности сводится к международной деятельности неправительственных акторов, такой как межкультурная коммуникация, взаимодействие и совместные инициативы экспертных сообществ и общественных организаций [Вилков, Гришанина, Долинский, Костырев, Панкеева, Протасов]. Тем не менее, введение в научный оборот категории «общественная дипломатия» в рамках публичной дипломатии является предметом научной дискуссии. Несмотря на то, что такой подход позволяет сфокусировать анализ на негосударственных акторах, он усложняет терминологическое размежевание, оставляя открытым вопрос о четких критериях их дифференциации.

Бурлинова Н.В., Табак В.Н., Божко Д.Е. в своем докладе 2025г. для Российского совета по международным делам – Российская публичная дипломатия: региональный срез некоммерческих структур отмечают, «что под этим явлением российское государство в большей степени подразумевает международное сотрудничество на уровне институтов гражданского общества, неправительственных организаций и экспертного сообщества, то есть видит общественную дипломатию как формат диалога с зарубежными обществом в рамках широких гуманитарных связей» [Бурлинова и др.].

В теоретической конструкции Джозефа Ная «мягкая сила» и общественная дипломатия концептуально взаимосвязаны: если источником первой является

привлекательность национальной культуры, ценностных моделей и политики, то вторая представляет собой коммуникативную практику, направленную на трансляцию этой привлекательности зарубежной аудитории. Общественная дипломатия – это инструмент реализации мягкой силы, а социокультурное измерение ее источник [Nye].

Для осмысленного проектирования в сфере общественной дипломатии фундаментальное значение приобретает теория коммуникативного действия и концепция публичной сферы Юргена Хабермаса [Habermas]. Это влияние заключается в переносе акцента с пропагандистской модели на проектную парадигму, основанную на идеалах рациональной критики и публичной аргументации. Проектирование в этом ключе предполагает создание открытых площадок, где встречаются различные общества для разработки совместных проектов, направленных на достижение общих целей.

Однако, роль проектов общественной дипломатии приграничных регионов в условиях эскалации конфликта кардинально трансформируются. В своей основополагающей работе «Построение мира: устойчивое примирение в разделённых обществах», опубликованной Институтом мира США, Дж. Ледерах заложил теоретический фундамент для современных проектов общественной дипломатии в конфликтных регионах [Ледерах]. Основным ключевым элементом его модели заключается в ориентации на «средний уровень» лидерства (религиозных деятелей, интеллектуалов, руководителей НКО, авторитетных активистов, врачей, учителей). Именно эти люди, по его мнению, обладают уникальной способностью быть «мостостроителями»: они имеют доступ к элитам и доверие на местном уровне, могут генерировать креативные идеи для диалога и поддерживать его в долгосрочной перспективе, когда официальные каналы закрыты.

Лебедева М.М. в ряде своих работ рассматривает возможности и ограничения публичной дипломатии в урегулировании конфликтов. Автор отмечает, что в условиях «горячей» фазы конфликта, сильной пропаганды и закрытых границ возможности публичной дипломатии резко сужаются. В условиях открытого военного противостояния публичная дипломатия неизбежно сводится к реализации конкретных краткосрочных задач, она более эффективна на стадиях заморозки конфликта или в постконфликтном восстановлении [Лебедева].

Таким образом, в фазе эскалации проекты общественной дипломатии их ключевая функция сводится не к созиданию нового диалога, а к экстренному поддержанию минимальных рабочих контактов между разделёнными сообществами. Эта болезненная адаптация, подробно описанная упомянутыми авторами, направлена на одну стратегическую цель – не дать окончательно прерваться всем связям, сохранив хрупкую основу для возможных будущих переговоров после снижения накала конфликта.

Кроме этого, на государственном уровне, особенно в приграничных регионах, в условиях эскалации на первый план выходят задачи обеспечения информационной безопасности и социокультурной устойчивости регионов, что кардинально меняет запрос по проектам общественной дипломатии [Алексеенок и др., Каира].

Эмпирическая основа исследования и результаты исследования

Эмпирическую основу данной работы составили результаты исследования на тему «Проблемы и тенденции формирования информационной безопасности в регионах ЕАЭС», проведенного в январе-марте 2025 года методом Интернет-анкетирования с использованием квотной выборки репрезентативной генеральной совокупности – ДНР, ЛНР, Белгородской, Курской областей (N = 1500).

Инструментарий исследования составлялся на основе анализа исследований, касающихся затрагиваемой авторами проблематики, проведенных в Институте приграничного сотрудничества и интеграции.

Социокультурное измерение является фундаментальным источником общественной дипломатии, поскольку именно через культуру, ценности, язык и повседневные практики формируется образ нации в сознании мирового сообщества. Исходя из этого, обеспечение социокультурной безопасности населения выступает не просто задачей внутренней политики, а стратегическим условием эффективности общественной дипломатии. Данные опроса (репрезентативная выборка в 1500 человек) говорят о четко выраженных публичных предпочтениях населения в вопросах обеспечения социокультурной безопасности. Лидерство пункта о развитии безопасного информационного пространства (48,7%) указывает, что в условиях конфликта социокультурная безопасность для населения это в первую очередь вопрос доступа к надежной информации и позитивным смыслам в своей среде. Кроме того, население отдает приоритет мерам, направленным на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей (37,9%), сохранение культурного и исторического наследия (36,6%), защиту общества от деструктивного информационно-психологического воздействия (32,8%). Данные направления были поддержаны наибольшим количеством респондентов (рисунок 1).

Вопрос о проявлении социокультурных рисков и угроз в большей степени в приграничных территориях показал отсутствие однозначного восприятия риска: почти равное распределение между «Да» (34,3%), «Нет» (28,9%) и «Затрудняюсь ответить» (36,9%) говорит о том, что нет доминирующего убеждения, будто приграничье – не видит этой специфики, либо не уверено в этом.

Данные опроса указывают на отсутствие в обществе консенсуса и четкого понимания специфики приграничных территорий в контексте социокультурных угроз (рисунок 2).

Следующий вопрос касался того, что является наиболее значимым для развития социально-культурного пространства приграничных регионов (рис. 3). Ответы респондентов выявляют ключевые приоритеты населения для развития приграничья и подтверждают внутреннюю противоречивость запроса, что напрямую определяет среду и возможные направления для проектов общественной дипломатии. Варианты ответов «Сохранение исторической памяти» (47,2%) и «Укрепление межнационального согласия» (40,8%) демонстрируют запрос на осмысленное прошлое как основу идентичности и запрос на стабильное настоящее



Рисунок 1. Что необходимо для обеспечения социокультурной безопасности / What is necessary to ensure sociocultural security

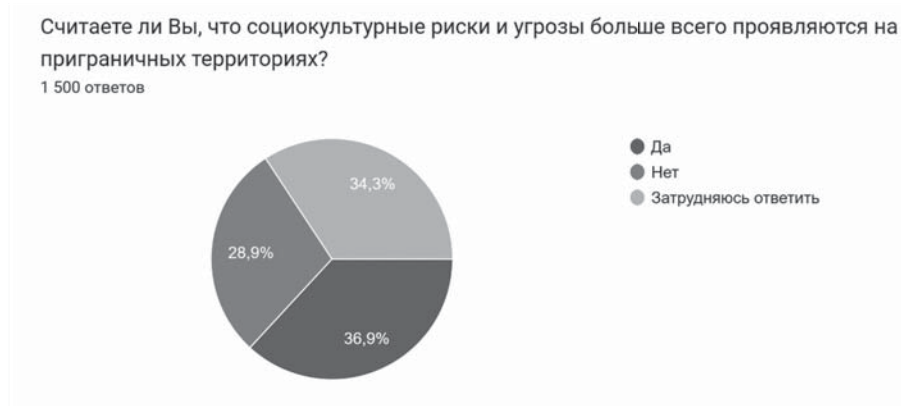


Рисунок 2. Считаете ли Вы, что социокультурные риски и угрозы больше всего проявляются на приграничных территориях / Do you think that sociocultural risks and threats are most pronounced in border areas



Рисунок 3. Что имеет наибольшее значение для развития социально-культурного пространства приграничных регионов / What is most important for the development of the socio-cultural space in the border regions

внутри многонационального приграничного сообщества. «Поддержка местной культуры» (38,8%) и «Широкая поддержка традиций...» (37,7%) также имеют высокий уровень у населения, что отражает запрос на укрепление локальной идентичности и культурного суверенитета.

Следует отметить, что в общественном восприятии развитие приграничья практически не связано с увеличением открытости и трансграничного взаимодействия. В условиях эскалации (или её памяти) запрос на «снижение барьеров» минимален. Пункт «Снижение барьеров границ» набрал всего 28,8%, оказавшись на предпоследнем месте среди значимых вариантов. При этом сохраняется высокий уровень неопределённости (23,2% затруднились с ответом).

Согласно Исследованию Института приграничного сотрудничества и интеграции, проведенного 2016 году, большая часть респондентов из приграничных регионов (48%) отмечает готовность принимать участие в общественной и народной дипломатии [13]. Настоящее исследование показывает, что только 27,3% опрошенных готовы лично принимать участие в разработке и реализации социальных проектов.

Эскалация конфликта не просто снижает общий уровень гражданской активности, но и трансформирует её характер. Потенциал общественной дипломатии, который фиксировался в доконфликтного периода, в текущих условиях не может

реализовываться в прежних формах. Это указывает на необходимость разработки принципиально иных механизмов разработки и реализации проектов общественной дипломатии, учитывающих высокий уровень стресса, ограниченные ресурсы населения и насущные потребности прифронтовых территорий.

В приграничных регионах наибольший потенциал для реализации имеют проекты, направленные на сохранение исторической памяти (26,4%), так как они напрямую отвечают на запрос общества на осмысление текущих событий, укрепление коллективной идентичности и духовной защиты, становясь естественным механизмом консолидации. Проекты по популяризации традиционных ценностей (18,1%) и общественной дипломатии (17,9%) также сохраняют актуальность, однако их реализация требует повышенной чувствительности к контексту и безопасности.

Представленные данные и анализ подтверждают насущную необходимость разработки специализированной методологии проектного управления для общественной дипломатии в приграничных регионах, адаптированной к условиям конфликта и повышенных рисков.

Выводы. Роль проектов общественной дипломатии приграничных регионов в условиях эскалации конфликта рассмотрена в контексте социокультурной безопасности. Эмпирические данные выявляют глубокое противоречие в общественных ожиданиях и официальных приоритетах на приграничных территориях в контексте социокультурной безопасности. С одной стороны, существует официально декларируемая и общественно одобряемая потребность в защите, обороне и внутренней консолидации. Лидерство пункта о развитии безопасного информационного пространства демонстрирует необходимость создания безопасного регионального информационного и культурного пространства для своих граждан. Население видит главные социокультурные риски в утрате традиционных ценностей и исторической памяти, в деструктивном информационном воздействии, а возможности развития связывает не с открытостью границ (лишь 28,8%), а с укреплением межнационального согласия внутри региона (40,8%) и сохранением локальной культурной идентичности.

Обнаруженная институциональная слабость региональных НКО в сочетании с неочевидностью для общества их специфически приграничной миссии создаёт замкнутый круг. Общественному сектору не хватает ресурсов для реализации проектов и автономии для самостоятельной работы, а население не видит в них ключевых акторов безопасности, ожидая действий, прежде всего от государства.

Проектирование позволяет оптимально распределять ресурсы, минимизировать риски культурного непонимания и обеспечивать долгосрочное воздействие, выходящее за рамки разовых акций. Оно превращает абстрактную «мягкую силу» в конкретные проекты, которые системно выстраивают доверие и формируют содержательные связи между обществами.

Разработка специализированной методологии проектного управления для общественной дипломатии в приграничных регионах, находящихся в условиях

конфликта, является актуальной и необходимой, поскольку традиционные подходы оказываются неэффективными в среде повышенных рисков, информационной напряженности и ограниченных ресурсов. Такая методология призвана обеспечить системный инструментарий для быстрой адаптации проектов к меняющемуся контексту безопасности, она должна интегрировать постоянный мониторинг общественных настроений и контекстуальных угроз, предусматривать гибкое перераспределение ресурсов в пользу наиболее востребованных и консолидирующих направлений (таких как сохранение исторической памяти), а также включать механизмы быстрого реформатирования проектов – от стратегий «мягкой силы» к оперативной гуманитарной и социальной поддержке, обеспечивающей как непосредственную помощь населению, так и укрепление внутреннего единства. Ключевыми принципами должны стать повышенные требования к безопасности участников, упрощенные, но четкие процедуры реализации и оценка эффективности, основанная не только на коммуникационных результатах, но и на вкладе в социальную стабильность и устойчивость локальных сообществ в прифронтальной зоне.

В условиях эскалации конфликта проекты общественной дипломатии в приграничных регионах принципиально меняют свою роль: из инструмента долгосрочного построения доверия и культурного обмена они трансформируются в критически важный механизм внутренней консолидации, социальной устойчивости и защиты гражданской идентичности приграничных локалитетов, выступая буфером против дезинтеграционных процессов и формируя основу для будущего восстановления общей социальной реальности единого приграничья уже в постконфликтный период, когда традиционные дипломатические каналы могут оказаться нарушенными.

Источники

Бурлинова Н.В., Табак В.Н., Божко Д.Е. (2025). Российская публичная дипломатия: региональный срез некоммерческих структур // Доклад для Российского совета по международным делам.

Вилков А.А. (2018). Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. № 2. С. 184-188.

Гришанина Т.А. (2020). Механизм общественной дипломатии РФ: направления деятельности в контексте анализа концепций внешней политики // Международные отношения. № 4. С. 60-71. EDN: LCMOPN

Алексеенок А.А., Поляков А.А., Белоусов И.В., Лю Ц. (2024). Динамика социально-политической ситуации в стране и регионе как фактор социальной стабильности // Социологический альманах: Материалы XVI международной научно-практической конференции Орловские социологические чтения, Орёл, 06 сентября 2024 года. Орёл: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. С. 10-14. EDN GVOZNX.

Долинский А.В. (2011). Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. № 1 (25). С. 63-73.

Каира Ю.В., Лю Ц., Журавлева А.С. (2025). Социальная стабильность в условиях цифровизации современного информационного общества // Научный результат. Социология и управление. Т. 11, № 1. С. 198-211. DOI 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3. – EDN ZIKQYS.

Костырев А.Г. (2013). «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис: политические исследования. № 2. Москва: Институт сравнительной политологии. EDN: PWOZXZ

Лебедева М.М. (2015а). Возможности и ограничения публичной дипломатии в урегулировании конфликтов // Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты). Ереван: Российско-Армянский (Славянский) университет. С. 212-216.

Лебедева М.М. (2015б). Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. № 13(4). С. 45-56.

Ледерах Джон Пол. (2019). Построение мира: устойчивое примирение в разделённых обществах. 272 с.

Панкеева А.А., Свердлык Е.А., Мясников А.Е. (2024). Возможности и ограничения развития института общественной дипломатии в контексте международного политического процесса // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 202-207.

Протасов А.В. (2014). Публичная дипломатия и неправительственные организации: проблемы и перспективы // Гуманитарные научные исследования. № 6 (34). С. 24-26.

Сапрыка В.А., Вавилов А.Н., Пастюк А.В. (2017). Общественная дипломатия приграничных регионов России в оценках жителей Белгородской, Воронежской и Курской областей // Международные процессы. № 15(2). С. 119-132 <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.8>

Шлапеко Е.А. (2017). Институт общественной дипломатии и его место в трансграничном социокультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 1. С. 152-162.

Nitoiu, C., Pasatoiu, F. (2022) Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU-Russia relations // Journal of Contemporary European Studies. 2022. № 31(1). pp. 21–34. <https://doi.org/10.1080/14782804.2022.2100983/>

Nye Joseph S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. P. 191.

Habermas J. (1981). Theorie des kommunikativen Handelns, B. I-II. Frankfurt.

■ ■ ■ The Role of Public Diplomacy Projects in Border Regions in the Context of Escalating Conflicts

Sapryka V.A.¹, Kaira Yu.V.², Solokha V.V.²

1. Russian State University for the Humanities. Moscow. Russian Federation.

2. Central Russian Institute of Management – branch of RANEP. Orel. Russian Federation.

Abstract. The article is devoted to the study of the role of public diplomacy projects in the border regions in the context of the escalation of the conflict, namely, the assessment of the impact of the sociocultural dimension of public diplomacy on the development of cross-border cooperation. The empirical basis of this work is based on the results of the study «Problems and Trends in the Formation of Information Security in the EAEU Regions», conducted in January-March 2025 in the territories of the Donetsk and Luhansk People's Republics, the Belgorod and Kursk Regions (N=1500). The results of the study revealed a deep contradiction in public expectations and official priorities in the border regions in the context of sociocultural security. It has been established that the development of a safe information space requires the creation of a safe regional information and cultural space for its citizens. The population sees the main sociocultural risks in the loss of traditional values and historical memory, as well as in the destructive influence of information.

Keywords: project, public diplomacy, border region, escalation, conflict, sociological research.

For citation: Sapryka V.A., Kaira Yu.V., Solokha V.V. The Role of Public Diplomacy Projects in Border Regions in the Context of Escalating Conflicts // *Communicology: Electronic Scientific Journal*. 2026. Vol. 14. No. 1, pp. 195-206. DOI 10.21453/2311-3065-2026-14-1-195-206.

Inf. about the authors: Sapryka Viktor Aleksandrovich, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, address: 125047, Moscow, Miusskaya Square, 6, *E-mail:* sapryka@icbci.info; Kaira Yuriy Vladimirovich, Candidate of Sociology, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies at the Central Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. *Address:* 12 Oktyabrskaya Street, Oryol, 302027, Russia, e-mail:kaira-yv@ranepa.ru; Solokha Valery Viktorovich, Applicant of the Department of Sociology and Social Technologies of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. *Address:* 12 Oktyabrskaya Street, Oryol, 302027, Russia. *E-mail:* solokha.v@internet.ru

Received: 24.01.2026. *Accepted:* 22.03.2026.

References

- Burlinova N.V., Tabak V.N., Bozhko D.E. (2025). Russian Public Diplomacy: A Regional Cross-Section of Non-Commercial Structures // Report for the Russian International Affairs Council. (in Rus.).
- Vilkov A.A. (2018). The Problematic of Public Diplomacy in the Political and Scientific Discourse of Modern Russia // *Bulletin of the Saratov University. New Series. Sociology. Political Science Series*. No. 2, pp. 184-188 (in Rus.).
- Grishanina T.A. (2020). The Mechanism of Public Diplomacy of the Russian Federation: Areas of Activity in the Context of the Analysis of Foreign Policy Concepts // *International Relations*. No. 4, pp. 60-71. EDN: LCMOPN (in Rus.).
- Alekseenok A.A., Polyakov A.A., Belousov I.V., Liu Q. (2024). Dynamics of the Socio-Political Situation in the Country and Region as a Factor of Social Stability // *Sociological Almanac: Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference «Oryol Sociological Readings»*, Oryol, September 6, 2024. Oryol: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Pp. 10-14. EDN GVOZNX (in Rus.).
- Dolinsky A.V. (2011). Discourse on Public Diplomacy // *International Processes*. No. 1 (25), pp. 63-73 (in Rus.).
- Kaira Yu.V., Liu Q., Zhuravleva A.S. (2025). Social Stability in the Context of Digitalization of the Modern Information Society // *Scientific Result. Sociology and Management*. Vol. 11, No. 1, pp. 198-211. DOI 10.18413/2408-9338-2025-11-1-1-3. – EDN ZIKQYS (in Rus.).
- Kostyrev A.G. (2013). «Smart Power», Public Diplomacy, and Social Networks as Factors of International Politics // *Polis: Political Studies*. No. 2. Moscow: Institute of Comparative Political Science. EDN: PWOZXX (in Rus.).
- Lebedeva M.M. (2015a) Potential and Limitations of Public Diplomacy in Conflict Resolution // *Problems of National Security in the Context of Globalization of Integration Processes (Interdisciplinary Aspects)*. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University, pp. 212-216 (in Rus.).
- Lebedeva M.M. (2015b) Public Diplomacy in Conflict Resolution // *International Processes*. No. 13(4), pp. 45-56 (in Rus.).

Lederach John Paul. (2019). *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. 272 p.

Pankeeva A.A., Sverdlyk E.A., Myasnikov A.E. (2024). Potential and Limitations of the Development of the Institute of Public Diplomacy in the Context of the International Political Process // *Social and Humanitarian Knowledge*. No. 4, pp. 202-207 (in Rus.).

Protasov A.V. (2014). Public Diplomacy and Non-Governmental Organizations: Problems and Prospects // *Humanitarian Scientific Research*. No. 6 (34), pp. 24-26 (in Rus.)

Sapryka V.A., Vavilov A.N., Pastyuk A.V. (2017). Public Diplomacy of Russia's Border Regions as Assessed by Residents of the Belgorod, Voronezh and Kursk Oblasts // *International Processes*. No. 15(2)., pp. 119-132 <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.8> (in Rus).

Shlapeko E.A. (2017). The Institute of Public Diplomacy and its Place in the Transborder Sociocultural Space // *Oikumena. Regional Studies*. No. 1, pp. 152-162. (in Rus.)

Nitoiu, C., Pasatoiu, F. (2022) Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU-Russia relations // *Journal of Contemporary European Studies*. 2022. No. 31(1). pp. 21–34. <https://doi.org/10.1080/14782804.2022.2100983/>

Nye Joseph S. (2004). *SoftPower: The Means to Success in World Politics*. P.191.

Habermas J. (1981). *Theorie des kommunikativen Handelns*, B.I-II. Frankfurt.